

Список цитируемых источников

1. *Siemakowicz, M.* Organizacja szkolnictwa dla ludności białoruskiej w II Rzeczypospolitej / M. Siemakowicz // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. — 1999. — № 12. — S. 80—132.
2. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921 — 1953 гг. : в 2 кн. — Минск : Беларус. навука, 2014. — Кн. 1. — 593 с.
3. *Добрынин, М. А.* История общеобразовательной школы и педагогической мысли Польши / М. А. Добрынин. — Брест : Альтернатива, 2008. — 340 с.
4. *Jakubiak, K.* Realizacja ideologii wychowawczej sanacji w praktyce szkolnej / K. Jakubiak // *Wychowania a polityka. Tradycje i współczesność* : pod. red. W. Wojdyły. — Toruń : Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1997. — S. 109—120.
5. *Drzewiecki, S.* Wychowanie obywatelsko-państwowe w nowych programach / S. Drzewiecki. — Warszawa : Gebethner i Wolff, 1932. — 68 s.
6. *Malczyk, W.* Zabytki Wilna a nauka historii w szkole powszechnej / W. Malczyk. — Wilno : Nakładem Dziennika Urzędowego K. O. S. Wileńskiego, 1936. — 119 s.
7. *Sanojca, K.* Obraz sąsiadów w szkolnictwie powszechnym Drugiej Rzeczypospolitej / K. Sanojca. — Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003. — 166 s.
8. *Cichoracki, P.* Legenda i polityka. Kształtowanie się wizerunku marszałka Józefa Piłsudskiego w świadomości zbiorowej społeczeństwa polskiego w latach 1918—1939 / P. Cichoracki. — Kraków : Księgarnia Akademicka, 2005. — 412 s.
9. *Składanowski, H.* «Od uwielbienia do negacji» — Józef Piłsudski w podręcznikach historii w szkole powszechnej (podstawowej) w II RP i okresie stalinowskim PRL / H. Składanowski // *Wiadomości historyczne*. — 2006. — № 5. — S. 30—38.
10. *Dobaczewska, W.* Wileńszczyzna i Nowogródzczyzna w latach 1920 — 1937. Sprawy polityczne i społeczne / W. Dobaczewska. — Wilno : Nakładem Dziennika Urzędowego K. O. S. Wileńskiego, 1938. — 38 s.
11. *Jabłonowski, M.* Wobec zagrożenia wojną. Wojsko i gospodarka Drugiej Rzeczypospolitej w latach 1935—1939 / M. Jabłonowski. — Warszawa : ASPRA-JR, 2001. — 476 s.
12. *Bornholtz, T.* Przygotowanie do obrony kraju w programach przedmiotów humanistycznych szkoły ogólnokształcącej / T. Bornholtz // *Oświata i wychowanie*. — 1937. — № 9—10. — S. 806—813.
13. *Urbanowicz, B.* Przystosowanie wojskowe w edukacji szkolnej II Rzeczypospolitej / B. Urbanowicz // *Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Res Polticae*. — 2014. — № VI. — S. 9—26.
14. *Śliwiński, F.* Gimnazjum państwowe w Pińsku w 1919—1930 r. Zarys monografii szkoły / F. Śliwiński. — Pińsk : Nakładem Gimnazjum państwowego, 1930. — 306 s.
15. *Posseltówna, I.* Organizacja życia szkolnego a wychowanie obywatelskie młodzieży / I. Posseltówna // *Oświata i wychowanie*. — 1934. — № 3—5. — S. 129—140.
16. Wskazania wychowawcze zawarte w rozporządzeniach i okólnikach Min. W. R. i O. P. Łódź: Wydawnictwo drukarni państwowej w Łodzi, 1935. — 166 s.
17. *Leżańska, W.* Społeczne i pedagogiczne funkcje nauczyciela szkoły średniej ogólnokształcącej w Drugiej Rzeczypospolitej / W. Leżańska. — Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1985. — 158 s.
18. Okólnik Kuratora Okręgu Szkolnego Wileńskiego z dn. 11 kwietnia 1932 r. do Dyrekcji szkół średnich ogólnokształcących, zawodowych i seminarjów nauczycielskich w Okręgu w sprawie organizacji uczniowskich // *Dziennik Urzędowy kuratorjum okręgu szkolnego Wileńskiego*. — 1932. — № 5. — S. 146—147.
19. Archiwum Akt Nowych. Z. 14. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie. Sign. 219. Wydział Wychowania — okólniki, zarządzenia wewnętrzne, pisma okólne, skład osobowy.
20. *Majkowska, M.* Samorząd uczniowski / M. Majkowska // *Oświata i wychowanie*. — 1930. — № 3. — S. 221—227.
21. *Вабішчэвіч, А. М.* Асвета ў Заходняй Беларусі (1921—1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. — Брест : Выд-ва БрДУ, 2004. — 116 с.
22. *Araszkiewicz, F.* Szkoła średnia ogólnokształcąca w Polsce 1918—1939 / F. Araszkiewicz. — Wrocław : Ossolineum, 1972. — 220 s.
23. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. — Минск : Беларусь, 1995. — Ч. 2. — 560 с.
24. *Szanter, S.* Smutnej nauczycielce — ku pocieszeniu (Artykuł dyskusyjny) / S. Szanter // *Kurjer Wileński*. — 1935. — 9 maja. — S. 5.
25. *Mironowicz, E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego / E. Mironowicz. — Białystok : Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. — 294 s.
26. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 242п. Оп. 1. Д. 435.
27. Гісторыя Беларусі : у 6 т. — Минск : Экаперспектыва, 2006. — Т. 5. Беларусь у 1917—1945 гг. — 613 с.
28. *Mironowicz, E.* Białorusini, komunizm i władze sanacyjne w latach 1937—1939 / E. Mironowicz // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. — 2006. — № 25. — S. 102—115.
29. *Śleszyński, W.* Wychować lojalnych obywateli. Polityka oświatowa władz polskich na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (1919—1939) / W. Śleszyński // *Wspólne dziedzictwo ziem północno-wschodnich dawnej Rzeczypospolitej*. — Białystok, 2007. — T. VI. — S. 151—158.
30. *Mauersberg, S.* Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918—1939 / S. Mauersberg. — Wrocław : Ossolineum, 1968. — 230 s.

УДК 101.1:316

Е. А. Криштаносова

Учреждение образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Исторически мультикультурализм в Беларуси последовательно реализовывался в каждом из его типов: в период Киевской Руси наблюдается ряд попыток мультикультурного сосуществования на основе равноправных бытовых интеракций групп-контактеров; в период ВКЛ сформировался спонтанный мультикультурализм; политика ассимиляции в период Речи Посполитой содействовала «надлому» в развитии институционализированного мультикультурализма; пребывания белорусских земель в составе Российской

империи повлекло за собой ликвидацию достижений институционализованного мультикультурализма, но и активизацию креативно-интеллектуального типа мультикультурализма. Советскому периоду культуры Беларуси также были свойственны специфические тенденции развития мультикультурализма, которые рассмотрим более подробно.

Революция 1917 г. породила всплеск протестных настроений населения Российской империи по отношению к политике царизма, и не в последнюю очередь — в национальном вопросе. Неудивительно, что значительное количество протестующих составили представители этнокультурных групп, имеющие свои ценностно-смысловые установки в этнокультурной сфере. Итогом протестных настроений в Беларуси стало объявление в марте 1918 г. Белорусской Народной Республики (БНР), а впоследствии — создание БССР. В апреле 1918 г. постановлением Народного секретариата БНР белорусский язык объявлен государственным [1, с. 45]. Следует подчеркнуть, что, получив право на самоопределение, белорусы не оставили в стороне языковые установки этнокультурных групп. Так, в феврале 1918 г. создан Белорусский национальный комисариат, где особое внимание уделялось вопросам этнокультурных групп, которые рассматривались при специальном отделе по делам национальных меньшинств и беженцев. В июле 1920 г. X Съезд РКП(б) принял резолюцию «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», в которой подчеркивалось необходимость внедрять родные языки этнокультурных групп в деятельность органов власти, судов, школ, прессы и т. д., а также создавать курсы по изучению белорусского языка. В целом действия властей по развитию мирных взаимоотношений, на наш взгляд, представляют собой практики современного мультикультурализма. Поэтому мы можем говорить не только о наличии спонтанного мультикультурализма в этот период, но и о выработывании практики институционализованного. Основы мультикультурализма продолжила развивать «политика белорусизации». Помимо основных задач были поставлены дополнительные — развитие и поддержание равноправного сосуществования представителей этнокультурных групп.

Новая политика предполагала не идею моноэтнической изолированности белорусов и ассимиляции этнокультурных групп внутри республики, а, напротив, диалогические контакты на основе равноправия. На II Всебелорусском съезде Советов (1920) и на сессии ЦИК БССР (1921) было признано равноправие белорусского, русского, польского и еврейского языков, что дало возможность развития культуры на родном языке для основных культурных групп населения. Так, в 1927 г. в республике выходило 20 газет, из них 10 на белорусском языке, 3 — на русском, 2 — на польском, 1 — на литовском, 1 — на смешанном [2, с. 70].

Значимым фактором развития белорусской культуры этого периода как гармонической полиэтнической целостности являлась консолидация «верхов» и «низов» в целях плодотворного развития и сохранения белорусской культуры и бесконфликтного взаимодействия с другими этнокультурными группами. Мы убеждены, что именно сочетание спонтанных мультикультуралистических устремлений с законодательно оформленными, государственно поощряемыми действиями властей является необходимым условием для плодотворного развития мультикультурализма во всех областях культуры. Можно лишь предполагать, насколько позитивным был бы результат совместных усилий правящих и духовных элит, с одной стороны, и народных масс, представленных этнокультурными группами Беларуси, — с другой, в случае дальнейшего развития этих тенденций.

К 30-м гг. XX в. дискриминация этнокультурных групп стала распространяться и на другие сферы (уже не только на религиозную, но и на этнокультурную, и на политико-правовую).

Страну ждали тяжелые испытания как внутреннего, так и внешнего характера: уже с 30-х гг. XX в. наблюдается отход от мультикультуралистических устремлений, свойственных первому десятилетию советской власти. В это время происходят события, сыгравшие существенную роль в дальнейшем развитии не только белорусской культуры, но и культуры этнокультурных групп в составе БССР: начинаются массовые аресты деятелей культуры (М. Горещкий, М. Чарот, М. Довнар-Запольский, Тишка Гартны, В. Дубовка, Г. Березкин и др.). Начался жесткий процесс ассимиляции, которая затронула и титульное население, и остальные этнокультурные группы на территории Беларуси. В свете этого была разработана и внедрена новая модель развития для всех народов, которая предусматривала повсеместное использование русского языка и, как следствие, перестройку всей системы образования, науки, издательской сферы и в целом сферы культуры и искусства. Итогом этого периода является стирание всех национально-культурных границ как внутри всего государства, так и внутри республик и автономий. Со стороны власти делается попытка смены поликультурного «мы-образа» послереволюционных лет на «советский».

Однако на уровне общества модель построения толерантных отношений и в целом мультикультуралистская тенденция продолжала существовать, будучи подкреплена исторически выработанной ментальной установкой белорусского народа на межкультурные контакты. Можно даже предположить, что именно благодаря этой установке советская идеологема «братских народов» была с такой легкостью принята белорусами. Следует также учитывать огромную роль совместной борьбы народов СССР с фашистской агрессией. Об этом свидетельствуют данные о количестве представителей различных этнокультурных групп в белорусских партизанских отрядах в период Великой Отечественной войны: русские — 43%, украинцы — 14%, поляки — 11%, евреи — 8%, литовцы — 8%, татары — 6%, узбеки — 4%, азербайджанцы — 3%, представители других национальностей — 3% [3, с. 89].

В послевоенный период (1945—1991) для Беларуси в составе СССР были характерны: реальный подъем и стабилизация промышленности и сельского хозяйства, а значит, улучшение социальных условий жизни населения [4, с. 422]; развитие образования и научно-технической сферы [4, с. 423]; становление культурной сферы — создание и открытие театров, музеев, библиотек, кинотеатров и т. д.

В этот период Беларусь стала одной из самых развитых среди других республик СССР. Это явилось хорошим подспорьем для удовлетворения социальных ценностно-смысловых установок не только титульного этноса, но этнокультурных групп, не только уже проживающих, но и активно мигрирующих на территорию Беларуси. Если в 1959 г. все население Беларуси составляло 8 055 714 человек, то в 1970 г. — 9 002 338, в 1979 г. — 9 532 516, в 1989 г. — 10 151 806 (при этом процентное соотношение белорусов в среднем составляло 81%, а остальные 19% — этнокультурные группы) [5, с. 63].

Итак, за годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период взаимодействия белорусов и этнокультурных групп не только продолжались, но и расширялись. Этому содействовало как совместное участие в военных действиях, так и последующие совместные восстановительные работы. Это способствовало утверждению единого «мы-образа». Представляется, впрочем, что «мы-образ» претерпел ряд изменений. Так, впервые в истории в нем появился отчетливый и распространенный на все слои населения надлокальный компонент, связанный с общей государственной идентичностью.

Причины его появления не только идеологические, но и социокультурные в широком смысле слова. Здесь сыграли свою роль: а) сплочение в борьбе против фашистских захватчиков и в послевоенном труде всех народов страны и создание на этой основе особого типа надлокального патриотизма; б) повышение уровня образования населения (так, в БССР на тот момент было 24 студента на 1 000 человек, что приближается к количеству студентов во Франции, Англии, Германии того периода), дающее достаточно высокий уровень не просто этнокультурной, но и государственной компетентности; в) единый характер образования во всех республиках СССР; г) система союзной прессы, проводящая единый идеологический курс, и т. д.

Можно отчасти согласиться с теми исследователями, которые с тревогой пишут о размытости национального самосознания, находя ее истоки в советской культуре. Однако это только одна сторона медали. Другая состоит в том, что, как показали исследования, в этот период этнический «мы-образ» в меньшей степени строится на языковом и, разумеется, религиозном аспектах, а имеет характер принадлежности к общности, очерчиваемой границами республики. Можно даже сказать, что именно в этот период складывается белорусская полиэтническая нация как мультикультурное сообщество, включающее все этнокультурные группы республики на основе равноправия и взаимодополнительности.

Что касается «унификации» белорусов как титульного этноса этого сообщества, то, безусловно, она имела место, как, впрочем, и всех других республик СССР, но, по нашему убеждению, главным образом все в том же языковом аспекте, по преимуществу в сфере образования. Так, если в Минске в 1945/1946 учебном году из двадцати восьми школ четырнадцать были белорусскоязычными, то в 1952/1953 учебном году из сорока шести школ — девять соответственно, а двадцать девять райцентров Западной Беларуси вообще не имели белорусскоязычных школ [6, с. 189]. Спустя 40 лет на белорусском языке преподавание проводилось только в 23,1% школ и 19,3% дошкольных детских учреждений (почти исключительно в сельской местности), а по количеству книг на национальном языке Беларусь занимала последнее место среди всех республик СССР [7, с. 71].

Однако уже с 60-х гг. XX в. мы можем наблюдать большое количество белорусскоязычных изданий (так, выпуск журналов составил в 1989 г. 134 наименования [6, с. 186]); интенсивно проводились дни литературы и искусства республик СССР в Беларуси и аналогичные дни и декады литературы и искусства Беларуси в других республиках. В свете такого культурного скачка связи белорусов как титульного этноса расширялись не только с точки зрения внутреннего состава населения БССР, но и в контексте диалога с другими народами СССР. Думается, причина доброжелательности этих контактов — наличие мультикультурных тенденций (в русле спонтанной модели), обусловленное веками жизни в полиэтническом социуме. Именно поэтому Беларусь уже до распада СССР превратилась в единственную республику, в которой реальными стали бесконфликтные интеракции, носившие характер сотрудничества.

Исторически сформировавшийся спонтанный мультикультурализм и мультикультурная идентичность содействовали укреплению единого «мы-образа» на территории нашей страны после распада СССР и не допускали ранжирования этнокультурных групп по национальному признаку в условиях жесточайшего экономического кризиса 90-х гг., как в других странах (где отсутствие единого мультикультурного «мы-образа» привело к многочисленным конфликтам, причинами которых были неприязнь и дискриминация). Распад СССР — дезинтеграция социально-политической, экономической и социокультурной сфер — вызвал разрушение большого «советского» «мы-образа» и, соответственно, «кризис идентичности». Это, в свою очередь, стало причиной изоляции народов и замыкания на собственной группе (группоцентризм, активный групповой фаворитизм), а значит, тщетность поисков пересечения ценностно-смысловых установок. Все вышеперечисленное стало причиной межгрупповой напряженности и многочисленных конфликтов (например, на Кавказе). В Беларуси ситуация имела противоположный характер по нескольким причинам: во-первых, в силу уже достигнутой сплоченности белорусов и этнокультурных групп (спонтанный мультикультурализм); во-вторых, культурной практики государства (институционализированный мультикультурализм).

Здесь необходимо отметить следующее: хотя, безусловно, в этой политике прослеживались яркие универсалистские тенденции, но, по нашему убеждению, благодаря белорусскому историческому опыту (развитый спонтанный мультикультурализм и наличие периода развития креативно-интеллектуального) советский универсализм проявился главным образом в языковой сфере, но не смог распространиться на иные ценностно-смысловые установки народов Беларуси. Позитивным фактором развития мультикультурализма мы считаем его институциональную закреплённость и осознание многокультурности как внешне советского пространства (надлокальный «мы-образ»), так и утверждение полиэтничности самого состава БССР (локально республиканский «мы-образ»).

Это подтверждают исследования, проведенные в 1989 г., которые показывают построенные мирных (толерантных) взаимоотношений белорусов и других этнокультурных групп республики. Так, 19,4% белорусов оценили отношения между представителями разных национальностей в своих коллективах как хорошие; 65,1% — как хорошие в целом, только 2,7% — как не совсем хорошие. В целом респонденты считали, что отношения к приезжим, мигрантам и другим носит доброжелательный характер (57%), а 20,5% отнеслись к этому факту нейтрально [4, с. 424]. Можно констатировать, что к 80—90-м гг. XX в. присущая белорусам толерантность в отношении к другим конфессиям, языкам, культурам и в целом к представителям других этнокультурных групп полностью сохранилась и даже углубилась. Можно с уверенностью сказать, что сегодня Беларусь представляет собой одно из немногих постсоветских государств, в котором мирное сосуществование с иными этнокультурными группами является не декларируемым фактом, а реальностью, которая существует как на государственном (институционализованный мультикультурализм), так и на бытовом (спонтанный мультикультурализм) уровнях. Это подтверждают данные социологического опроса. Население нашей республики отвергает обе крайности: неонацизм и великодержавный шовинизм, с одной стороны, и национализм в любых его формах — с другой (соответственно, наихудшим злом их считают 68,8 и 56%) [7, с. 84].

Можно сделать вывод, что ситуация в Беларуси — уникальное историко-культурное явление. Если в других странах мультикультурализм разрабатывался и внедрялся искусственно на уровне «верхов», то в Беларуси формировался на уровне «низов» естественным путем. Все последующие трансформации, происходящие в наиболее сложные для страны периоды, не смогли поколебать его. Мы полагаем, что причины этого — «мультикультурный» менталитет народов Беларуси и деятельность духовных элит. Именно это явилось преградой для универсалистских тенденций, в значительной мере свойственных советскому государству. Эта бивалентная обоснованность мультикультурализма в Беларуси, на наш взгляд, и сделала возможным зарождение его институционализованного типа в СССР и развитие в современный период.

Список цитируемых источников

1. *Калубовіч, А.* Крокі гісторыі. Даследаванні, артыкулы, успаміны / А. Калубовіч. — Мінск : Тесей, 1993. — 319 с.
2. *Каўка, А.* Перад усім — адданаць Беларусі / А. Каўка // Беларус. гіст. час. — 1993. — № 4. — С. 70—73.
3. *Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі / Беларус. дзярж. ун-т імя М. Танка, ФДД у Рэсп. Беларусь.* — Мінск : БДПУ, 1998. — 144 с.
4. *Беларусы: вытокі і этнічнае развіццё / В. К. Бандарчык [і інш.] ; НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы.* — Мінск : Беларус. навука, 2001. — 433 с.
5. *Население Республики Беларусь : стат. сб. / ред. Г. И. Гасюк.* — Мінск : М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 2007. — 814 с.
6. *Саракавік, І. А.* Беларусазнаўства / І. А. Саракавік. — Мінск : Веды, 1998. — 284 с.
7. *Дубянецкі, С. Ф.* Цяжкі шлях да адраджэння / С. Ф. Дубянецкі, Э. С. Дубянецкі. — Брэст : Изд-во С. Лаврова, 1997. — 89 с.

УДК 476:32

А. М. Куницкая

Учреждение образования «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия», Горки

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ДЕКЛАРАЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 1990 ГОДУ КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Декларация о государственном суверенитете Республики Беларусь от 27.07.1990 провозгласила «полный государственный суверенитет Республики Беларусь как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики в границах ее территории, правомочность ее законов, независимость республики во внешних отношениях» [1].